

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ГЕНЕЗИСА СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Статья представляет собой социально-исторический анализ феномена семьи и детства, в частности генезис феномена детства в истории человеческой цивилизации (на примере западноевропейской культуры) и связь конкретно-исторических и социально-экономических условий жизни людей с бытованием и пониманием феномена детства, следствием которых являются стили, методы и формы педагогического воздействия.

Ключевые слова: *детство, семья, история детства, ребенок и общество.*

S.A. Ganina

SOCIAL AND ECONOMIC CONDITIONS OF GENESIS OF A PHENOMENON OF THE CHILDHOOD

Article represents the sociohistorical analysis of a phenomenon of the childhood, in particular, genesis of a phenomenon of the childhood in history of a human civilisation (on an example of the West European culture) and communication of concrete historical and social and economic conditions of a life of people with an existing and understanding of a phenomenon of the childhood, which consequence styles, methods and forms of pedagogical influence are.

Keywords: *the childhood, a family, childhood history, the child and a society.*

Мир детства – неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа, человечества в целом, период в жизни каждого конкретного человека. Всю жизнь мы храним воспоминания нашего детства, и чем дальше оно от нас, тем ценнее и дороже для нас эти воспоминания. В современной философии, социологии и психологии обобщенное понятие «детство» рассматривается как сложный, многомерный феномен, который, имея биологическую основу, тем не менее, опосредован огромным количеством социально-исторических, культурных, экономических, мировоззренческих, педагогических и других факторов. В данной статье мы ставим задачу попытаться определить влияние социально-экономических условий на возникновение, формирование и развитие феномена детства.

История феномена детства с момента его возникновения и до наших дней показывает, что большую свою часть он связан с возникновением и развитием института семьи, который, в свою очередь, связан с культурно-историческими, социальными и экономическими характеристиками

общества. Семья считается одним из пяти фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении [1]. Одновременно семья выступает малой группой – самой сплоченной и стабильной ячейкой общества. На протяжении своей жизни человек входит в состав множества самых разных групп: группу сверстников или друзей, школьный класс, трудовой коллектив, спортивную команду, но лишь семья остается той группой, которую он никогда не покидает.

Институт семьи различается в каждом обществе по своим задачам, устройству, социальной роли. Тем не менее, для всех обществ есть нечто, что сближает все существующие и существовавшие ранее семьи. Семья возникла потому, что у человеческого детеныша, в отличие от всех других видов животных, самое продолжительное детство. Своеобразие детства человека состоит в том, что младенец появляется на свет без каких-либо врожденных способов удовлетворения даже элементарных органических потребностей. По физическому строению, организации нервной системы, по типам деятельности и способам ее регуляции человек – наиболее совершенное существо

¹ Кандидат педагогических наук, завкафедрой общих гуманитарных естественно-научных дисциплин Орехово-Зуевского филиала НОУ ВПО «Российский новый университет».

в природе. Однако по состоянию в момент рождения в эволюционном ряду заметно падение совершенства – у ребенка отсутствуют какие-либо готовые формы поведения. Как правило, чем выше стоит живое существо в ряду животных, тем дольше длится его детство, и тем беспомощнее это существо при рождении. Таков один из парадоксов природы, который предопределяет историю детства.

Ученые считают, что для того, чтобы человек рождался совершенно готовым к жизни (а многие животные сразу после появления на свет могут самостоятельно передвигаться, питаться и т.п.), он должен проводить в утробе матери 21 год. При этом ни одно животное не может позволить себе такой роскоши, как детство или период, когда до 10–15–18 лет оно будет кормить и обучать свое дитя. Человеческий младенец – беспомощное существо, но в его беспомощности заключена огромная потенциальная сила: ребенок с помощью взрослых и во взаимодействии с ними постепенно овладевает всеми человеческими способами удовлетворения своих органических и духовных потребностей. Овладение ребенком исторически сложившимися способами родовой человеческой деятельности – основа поэтапного психического развития. Благодаря этим способам люди создали все богатство своей материальной и духовной культуры, а индивид посредством интериоризации, воспроизводя данные способы в себе (в процессе общения с окружающими людьми), тем самым присваивает богатства родовой культуры и за счет этого развивается как человек.

Зависимость ребенка от родителей (в материальном и социальном плане) длится как минимум 15–18 лет. Зависимость эмоциональная, интеллектуальная и психологическая продолжается гораздо дольше. Подготовка ко взрослой жизни проходит полноценно только в семье, так как она включает в себя не только обучение, тренировку, усвоение знаний (в этом процессе семью может заменить школа), но также присвоение имени, прав наследования имущества или собственности, социального статуса и положения в обществе, отождествление с определенной линией родства.

Обзор развития семьи показывает, что история семьи тесно связана с историей и эволюцией форм производства. В добуржуазных обществах семья ни как понятие, ни по своей социальной структуре не отличалась от сообщества всех тех, кто жил в доме (для сравнения, римская фа-

милия как семейная хозяйственно-юридическая единица включала в себя не только семью в узком смысле этого слова, но также и принадлежавших ей рабов и клиентов – свободных граждан, находившихся под покровительством патрона). Отдельный человек был включен в сообщество лиц, живших и работавших в домохозяйстве, вне зависимости от того, был ли он связан кровным родством со старейшинами дома или нет. Коллектив всего дома формировал необходимую социальную общность, в которой были организованы работа и жизнь. Личность не могла существовать вне данного домового союза. Ее интеграция в домовое сообщество, в деревню, в сословие, в цех была столь глубокой, что решение о выборе супруга или место человека в системе организации труда определялись коллективно. Все добуржуазные общества не знали понятия «свободная личность». Женщины, дети, а также работники и батраки обоих полов подчинялись власти отца семейства. Основу его патриархальной силы составляла неразрывная связь с жизненными и трудовыми процессами всего дома.

Семья и фамилистическая культура возникают исторически, хотя отдельные парные семьи и зачатки фамилизма как системы ценностей, при которой жизнь и благополучие отдельных индивидов зависят от сплоченности и жизнедеятельности первичного микрокруга людей, связанных родственно-брачными отношениями, наблюдаются на первоначальных этапах становления человечества. В борьбе за существование человеческие племена создают социальную организацию, ориентированную на выживание рода, на функционирование родовых структур при смене поколений. Выживание индивидов было следствием адаптации рода к среде и следствием успеха обучения индивида общепринятым формам жизни, усвоения правил, проверенных опытом образцов поведения.

Приобщение потомства к адаптивным нормам жизнедеятельности посредством социализации, а не инстинктов, отличает человеческие племена от популяций животных. Проводниками этой социализации оказывались старшие члены рода, а не кровные родители. В условиях группового брака и разделения рода на экзогамные и эндогамные группы функция родительства распространялась на весь род-племя, на старших представителей рода. Потребовалась длительная эволюция для выделения и детализации социальных ролей ма-

тери и отца, других родственных уз. Важно подчеркнуть, что усилия тратились на противостояние высочайшей смертности индивидов и гибели родов. При этом удалось создать такую социальную организацию, которая органично соединяла в себе социальные нормы, регулирующие сохранение социального строя, порядка жизни, обеспечение существования членов рода и поддержку высокой рождаемости, компенсирующей все людские потери. Удивительно, но основные черты системы социальной регуляции рождаемости, нейтрализующей высокую смертность и обеспечивающей прирост населения, просуществовали тысячелетия, были восприняты как опоры фамилизма и сохранились вплоть до XXI в.

Данные о развитии и жизни ребенка на ранних ступенях развития общества практически отсутствуют. Никто из этнографов [3] вообще не ставил себе задачей подобное исследование¹. Вся имеющаяся информация разбросана по бесчисленным этнографическим, антропологическим, географическим описаниям, при этом очень схематична и фрагментарна. Соотнесение имеющихся материалов о детях с жизнью общества также затруднено, так как часто трудно определить, на какой ступени общественного развития находилось в период описания то или иное племя. И даже находясь приблизительно на одном уровне общественного развития, племена могли жить в совершенно различных условиях, и эти условия, в свою очередь, несомненно, оказывают воздействие на жизнь детей в обществе, их место среди взрослых.

С уверенностью можно утверждать, что положение ребенка в первобытном обществе характеризуется прежде всего ранним включением детей в производительный труд взрослых членов общества. В наиболее ранние исторические периоды жизни общества дети жили со взрослыми общей жизнью. Там, где ребенок мог принимать участие в работе взрослых без особой предварительной подготовки и выучки, там он это делал. Если же труд был слишком сложен, то ребенок входил в мир взрослых через игровую деятельность, которая отражала жизнь взрослых. Воспитательная функция здесь еще не выделилась как специальная общественная функция, и все члены общества осуществляли воспитание детей. Основная задача воспитания – сделать детей участниками обще-

¹ Первые специальные исследования, принадлежащие М. Мид и посвященные детям племен Новой Гвинеи, появились лишь в 30-е гг. XX в. См.: Мид, М. Культура и мир детства. – М., 1988.

ственного производительного труда, передать им опыт этого труда, а основным средством воспитания – постепенное включение детей в доступные им формы труда взрослых. Особо можно подчеркнуть кратковременность периода воспитания, а следовательно, и детства: дети уже в раннем возрасте знают все задачи, которые ставит жизнь, они рано становятся не зависимыми от взрослых, их развитие заканчивается раньше, чем на более поздних ступенях общественного развития. Длительность детства составляет 4–6 лет.

Примечательно, что, несмотря на столь короткий (по нашим меркам) период детства, он может соотноситься с современным периодом детства по продолжительности. Если исходить из того, что человек первобытного общества жил в среднем 19 лет [2], то средняя продолжительность детства в 5 лет составляет примерно треть жизни древнего человека. Для примера: современное детство (18–22 года или период, необходимый для подготовки к самостоятельной жизни) при средней продолжительности жизни (в России) приблизительно в 60 лет – составляет все ту же треть, несмотря на несопоставимый по размеру объем информации, который успевал усвоить за период детства ребенок первобытного общества и современный ребенок.

Уже в наиболее ранних этнографических и географических описаниях русских путешественников имеются указания на приучение маленьких детей к выполнению трудовых обязанностей и включение их в производительный труд взрослых [4; 5; 6]. Такая же модель существовала и в патриархальной крестьянской семье, «где различия пола и возраста, а также изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена» [7, 76].

Занятость матерей и раннее включение детей в труд взрослых приводят к тому, что в первобытном обществе не существует резкой грани между взрослыми и детьми, поэтому и дети очень рано становятся действительно самостоятельными. С.Н. Стебницкий пишет: «Вообще надо сказать, что резкого разделения на детей и взрослых у коряков нет. Дети – равноправные и равноуважаемые члены общества» [8]. Кстати, на этой ступени развития нет эксплуатации детей, несмотря на их очень раннее включение во взрослую жизнь. Их труд носит характер удовлетворения естественно возникающей потребности. Воспитание в перво-

бытном обществе, суровое по содержанию, является чрезвычайно мягким по форме. Детей не наказывают и поддерживают у них бодрое состояние.

Переход к более высоким формам производства – земледелию и скотоводству, усложнение способов рыболовства и охоты – привел к новому разделению труда в обществе: появилось разделение труда по полу и изменение места мужчины и женщины в обществе. Естественно, что изменилось и место ребенка в обществе, и длительность периода детства. Теперь оно уже составляет 9–11 лет. Это связано с тем, что орудия труда усложнились настолько, что ребенок уже не в состоянии быстро овладевать ими. Появляются уменьшенные орудия труда (игрушки) и дети сначала овладевают ими и их использованием, а уже затем становятся полноправными членами взрослого общества.

Разложение первобытно-общинного строя охватывает значительный отрезок времени – от позднего неолита и медно-бронзового века (4–3 тыс. до н.э.) до раннежелезного (1 тыс. до н.э.). Уходил в прошлое коллективный труд, исчезали и общественные формы воспитания (например, обряды инициации), однако методика воспитания детей наследовались новой социально-экономической ячейкой – *семьей*.

Для возникновения семьи необходимо наличие экономики и собственности, отношений власти и подчинения, укорененных в сложноиерархизированной социальной структуре. В первобытных обществах существуют производственно-потребительские отношения, но нет экономики как таковой. Только при появлении четкой социальной стратификации, классово-групповой дифференциации в рамках командно-распределительной экономики начинает заявлять о себе потенциал парного брака. На ранних стадиях рабовладельческого строя за несколько столетий до новой эры возникает та социокультурная форма жизнедеятельности, которая именуется семьей.

Конечно, в связи с недостаточной исследованностью этого вопроса, трудно определить момент возникновения семьи, но важно знать, что ее происхождение обусловлено гармоническим сочетанием многообразных функций, укрепляющих посредническую роль семьи на основе автономного семейного домохозяйства, совместной социальной и производственной деятельности всех членов семьи, когда потребность семейного объеди-

нения в исполнителях социально-семейных ролей и в работниках одновременно оказывается потребностью членов семьи друг в друге, потребностью родителей в детях и детей – в родителях.

На заре классового общества практически повсеместно складывается патриархальная семья. В семье счет родства стал вестись по отцовской линии. Имущество семьи теперь наследовали дети, а не жена. Руководство семейным воспитанием перешло к отцу, хотя на деле главным воспитателем детей продолжает оставаться мать [9, с. 76]. Конечно, период взросления у различных первобытных народов протекает неодинаково, но при этом можно выделить некоторые его общие особенности:

- роли взрослых четко очерчены и не слишком многогранны, это означает, что к ним относительно легко подготовиться и приспособиться;
- в обществе отсутствует представление о детстве, которому бы приписывались особые значения и ценности, отличные от мира взрослых.

По мере усложнения социальной структуры общества, возникновения семьи и государства ребенок и его воспитание переходят в юрисдикцию отдельной семьи, но в целом остаются одной из задач всего общества (государства). Постепенно из потребности государства в профессионально подготовленных специалистах различного уровня возникает новый социальный институт – школа, которая совместно с семьей начинает осуществлять процесс социализации подрастающего поколения.

Из этого мы можем сделать вывод, что ребенок постепенно теряет статус равного взрослому, полноценного члена общества, превращаясь в объект педагогических и воспитательных усилий взрослых. В то же время, детство впервые выделяется как самостоятельный период человеческой жизни, отличающийся от последующих этапов жизни (Античная Греция). Ребенок понимается теперь как существо воспитуемое, как материал, из которого можно «вылепить» хорошего гражданина при соответствующих усилиях со стороны взрослых (вспомним мысли о воспитании детей Платона и Аристотеля). Воспитание перестает быть не естественной стороной жизни и функцией общества, а превращается в целенаправленную деятельность, требующую значительного времени и сил со стороны взрослых (родителей и специальных воспитателей). Тем самым закладывается фундамент всего последующего подхо-

да к пониманию детства как времени для обучения и воспитания. При этом следует отметить, что в античности впервые в истории происходит социальная детерминация детства (вернее, его наличия или отсутствия) у представителей разных социальных слоев.

Начиная с эпохи древневосточных государств, и в особенности в Древней Греции и Риме, детство – это привилегия свободных и богатых граждан. Примечательно, что эта социальная обусловленность детства будет сохранена до конца XIX – начала XX вв. применительно к низшим слоям общества во всех европейских и российском государствах.

Обширная семья при рабовладельческом строе включала в себя не только парную семью с домочадцами, но и рабов, имущество, домашних животных. Она мало походила на патриархальную семью феодальной системы, относительно которой известно многое благодаря этнографическим данным. Если мы обратимся к расширенной семье патриархального типа, то в ней производственно-хозяйственная деятельность сочеталась с воспитательно-профессиональной передачей знаний и навыков подрастающим поколениям, с укреплением моральных ценностей и религиозных традиций. Семья была полифункциональна, но ядром широкого круга выполняемых ею функций оставалось обеспечение воспроизводства населения.

Патриархальная семья была источником благополучия и здоровья, заботы о престарелых и детях, оплотом безопасности и социального контроля и т.д. В пределах имеющейся автономии семьи от прочих общественных институтов семейный образ жизни становился чуть ли не единственной формой бытия личности (производство, обучение, отдых, игры и развлечения – все совершалось в семье). В значительной степени даже физически можно было уцелеть, лишь принадлежа к семейному клану. В этих условиях ориентация личности на семью определялась всем строем жизни, причем ценность семьи, благополучие семейного коллектива обуславливали и индивидуальное благополучие.

Средневековье продолжает традицию наличия – отсутствия детства в зависимости от социальной принадлежности человека. Усложнение производства требует удлинения сроков овладения профессией и, следовательно, сроков детства как периода включения в то или иное ре-

месло. Из этого можно сделать вывод, что детство понимается чисто утилитарно: не как период, необходимый для физического, психологического, интеллектуального формирования личности, а как время, необходимое для овладения профессией. Примечательно, что это уже относится ко всем сословиям средневекового общества (как в Западной Европе, так и в Древней и средневековой Руси).

Процесс овладения необходимыми знаниями и умениями требуется как для крестьянства, так и для ремесленников, и даже высшего сословия (подготовка рыцаря для служения государству или знатной девушки для достойного замужества). Следовательно, ребенка как такового в Средневековье не существует. Ребенок – это всего лишь сосуд, который наполняется различным содержанием в зависимости от его социальной принадлежности, но который сам по себе ничего ценного для взрослых и общества не представляет. Ребенок (любого возраста до наступления полной самостоятельности) не имеет права голоса, не может самостоятельно выбирать свой жизненный путь. Более того, с самого рождения (а для знати и до появления на свет он включен в строгую общественную иерархию), ему уже отведена определенная роль, на него возложены надежды и обязанности. Поэтому детство – это всего лишь своеобразная уступка природе, которая сделала человека неспособным сразу включиться в общественную жизнь. Раз человек не рождается уже готовым профессионалом, за период детства его надо сделать таковым, а все остальное не имеет значения.

Такое жесткоутилитарное отношение к детству имеет в своей основе чисто экономические причины: в тяжелейших условиях, в которых жили люди Средневековья, у взрослых почти не оставалось времени на заботу о детях. Ребенок был нужен лишь как помощник в хозяйстве, а до тех пор, пока он был слишком мал, его фактически бросали на произвол судьбы: вырастет – будет еще один работник, умрет в малолетстве – одним нахлебником меньше. А если принять во внимание тот факт, что это было время, когда болезни и голод уничтожали порой больше половины населения Европы, детская смертность была обычным явлением и уже не воспринималась как трагедия.

В Средние века и в начале Нового времени (а среди низших слоев общества и много лет спу-

стя, вплоть до XIX в.) дети вступали в жизнь взрослых, как только начинали считать, что они могут обойтись без помощи матери или кормилицы. Это происходило приблизительно в семилетнем возрасте. Дети сразу же вливались в большую семью взрослых, где единый поток коллективной жизни охватывал все возрасты и состояния, не оставляя никому места для одиночества и личной жизни. Семья выполняла лишь одну функцию – продления жизни, передачу имущества и фамильного имени. Отдача детей в ученичество еще больше ослабляла и без того не очень сильную связь между детьми и родителями. В связи с этим хочется подчеркнуть, что Средневековье не имело собственной концепции воспитания, так как в то время не осознавалась важность периода детства.

Можно выделить основные черты семейного образа жизни при феодализме, непосредственно влияющих на функционирование феномена детства.

Во-первых, понятия «семья» и «экономика» были неразделимыми, производственные отношения существовали в форме семейных, демографических отношений, семейные проблемы были продолжением вопросов собственности и труда. Дети благодаря существовавшим культурным нормам возрастного старшинства рассматривались одновременно и как находящиеся на содержании, и как работники. Взрослые в такой семье также были зависимы от своих детей, нуждаясь в их экономической поддержке в старости, и поэтому уделяли огромное внимание успешной передаче экономических ресурсов семьям следующих поколений. Подобная взаимосвязь, когда благополучие каждого определяется благополучием всей семьи, и есть *основа фамилизма* – как характеристики образа жизни, основанного на «семьецентризме». Соответственно, в такой, ориентированной на семью и домохозяйство системе жизнедеятельности, социальные роли мужчин и женщин были строго дифференцированными и взаимно дополняли друг друга.

Во-вторых, доминантой общественной жизни была власть родства. Семьи были не только большими и сложными, объединяя в себе несколько поколений и боковых ветвей, но и связанными многочисленными родственными связями и отношениями свойства с большим числом других семей, с которыми они осуществляли брачный обмен.

В-третьих, преобладающей была крестьянская семья, чья жизнь, как и жизнь семьи дворянской, была неразрывно связана с землей. Земля была не только всеобщим базисом производства, но и основой, на которой держалась вся жизнь семьи. Определяющим в мотивации поведения семьи было ориентированное на детей использование земли. Семья была способом обращения капитала, движения земельных ресурсов от поколения к поколению.

В-четвертых, это предопределяло многие другие характеристики семьи и, в частности, то, что она была многодетной (и по социально-нормативной направленности, и фактически).

Пятым отличительным свойством патриархальной семьи была мощная власть межпоколенных связей. Возраст был основным агентом социального контроля, при котором старшие поколения, используя свое право распоряжения ресурсами семьи, отстаивали и увеличивали свой статус и власть.

Отношение к детству начинает постепенно меняться лишь в начале Нового времени в связи с интересом к личности отдельного (взрослого!) человека. Забота о воспитании подрастающего поколения занимает умы духовенства, юристов и ученых уже в XV в. Постепенно в сознании общества укореняется тот факт, что ребенок, прежде чем вступить в мир взрослых, нуждается в специальном режиме, своеобразном карантине. Семья перестает быть только институтом частного права, инструментом для передачи имущества и фамильного титула. Она приобретает также моральную и духовную функции, формируя тела и души. Вакуум между физическим продолжением рода и юридическим институтом должно было заполнить воспитание детей.

Появляется вполне конкретная новая задача воспитания: формирование новой личности, свободной, творческой, разносторонней. Для реализации этой задачи взгляды взрослых обращаются на детей, из которых и можно все это «изготовить». Но для детей будущая свобода обращается новым рабством, еще большим, чем в эпоху Средневековья, когда ребенок был сравнительно независим, предоставлен самому себе до наступления полной самостоятельности. Теперь на ребенке сконцентрированы совместные усилия семьи, школы, церкви и государства. Все они накладывают массу запретов, ограничений и обязанностей, надеясь таким образом воспитать личность, ко-

торая отвечает всем запросам общества. Ребенок, следовательно, является одновременно и идеалом (потенциальной возможностью новой личности), и материалом для этой личности, которую формируют по образцу этого идеала. Ребенок продолжает пониматься как средство, а не как цель общества, он объект воздействия, а не его активный субъект. Следовательно, *детство – это своеобразный подготовительный этап к жизни, а не сама жизнь.*

Примечательно, что начиная с Нового времени социальная градация детства проступает еще отчетливее. В связи с большим количеством дошедших до нас документальных источников становится возможным проследить положение детей в разных социальных группах и сделать вывод, что хотя само положение детей сильно отличается в зависимости от социального положения семьи в общественной структуре, но отношение взрослых к детям продолжает носить преимущественно утилитарный характер во всех слоях общества.

Воспроизводство людей в докапиталистических обществах было тесно связано с окружающим природным миром, с существовавшими общностями и формами господства в них (помещичье хозяйство, крестьянская семья, деревня, цех). Поэтому доиндустриальные общества знали лишь ограниченный рост производительности труда. Работа, следовательно, была достаточна для социализации детей. Не требовалось никаких особых, руководимых специалистами учреждений для формирования новой смены (школ, расширенного профобразования). Семьи крестьян, ремесленников и рабочих-надомников были важнейшими формами организации опытно-практического обучения.

Интересно, что, как и в эпоху Средневековья, у родителей совершенно нет времени, чтобы посвящать себя детям. Дети, как и раньше, являются частью всех домашних, хозяйственных и жизненных процессов. Человек занимает строго определенное место в структуре семьи, деревни, общественной группы и т.п. Здесь нет места для индивидуального формирования личности. Приобщение к труду начинается очень рано (соразмерно физическим возможностям детей разного возраста). Чем больше было хозяйство, тем дифференцированное – возрастное и половое – разделение труда. Последовательная градация рабочих способностей взрослых (которая определяла престиж внутри дома, выделяемое количество пищи и сим-

волическую субординацию) перенималась и детьми. Из этого можно сделать вывод, что по сравнению с ранними ступенями развития общества и даже с эпохой Средневековья произошли очень незначительные изменения (если их вообще представляется возможным выделить) в приобщении детей ко взрослой жизни через труд. С развитием капитализма в хозяйственной жизни усилилась специфика отдельных видов труда и различия требований к трудящимся (умственный и физический, квалифицированный и неквалифицированный труд). Тем самым, профессиональное и общее образование ушло как из семьи, так и с места работы.

Развитие капитализма вело к глубоким переменам образа жизни населения, и не только постоянно растущего городского, но и сельского. Прежняя роль семьи как посредника во взаимосвязи общества и личности, как основной производственной и социальной ячейки общества, способной к поддержанию норм многодетности и развитию многообразных стимулов к рождению большего числа детей, стала приходить в упадок под влиянием индустриализации и промышленного производства, вытягивающего всех членов из лона семейного производства в сферу наемного труда. Переход ряда функций семьи к другим социальным институтам превращает семью в хозяйственно-потребительскую ячейку, где каждый из ее членов вовлекается в такую деятельность, в которой семейные связи утрачивают свое прежнее значение посредника.

Рождение большого количества детей постепенно теряет свое экономическое значение. Удлинение периода социализации детей и изменение социальной роли ребенка усиливают экономическую зависимость детей от родителей и ослабляют репродуктивную мотивацию, прежде всего экономические и социальные мотивы многодетности.

Спонтанному ослаблению норм многодетности, редуцированию их до ее нижней границы (пятеро детей) и ниже содействует постепенное уменьшение детской смертности, сближающее число рожденных детей с числом доживающих до совершеннолетия. Последнее обстоятельство окончательно разрушает запрет на вмешательство в репродуктивный цикл. Улучшение санитарно-гигиенических условий жизни, успехи медицины и здравоохранения укрепляют здоровье личности, удлиняют срок жизни и непосредственно

воздействуют на уменьшение смертности. А это означает, что самосохранение населения в условиях контроля над смертностью непосредственно зависит от сокращения смертности и не нуждается в какой-либо подстраховке через высокую рождаемость.

Следует отметить, что модель детства и отношения к ребенку, сформировавшаяся в эпоху Средневековья, продолжает, в общем и целом, работать вплоть до конца XIX века. Происходят изменения в понимании человека и его места в этом мире, его назначения и возможностей, происходит развитие общественных отношений, производства, но отношение к детям большинства взрослых остается неизменным. Ребенок – это смена взрослым, и она должна быть достойной, то есть по крайней мере, соответствовать родителям, их приписанному и достигнутому статусам, но никак не быть хуже. Поэтому все усилия семьи, школы и государства концентрируются на подготовке этой достойной смены. Формируется образец того, каким взрослые хотели бы видеть детей, какие недостатки современного взрослого человека подлежат уничтожению и какими путями этого можно достигнуть. Детям в этом процессе отводится минимальная роль – следовать намеченным курсом к заданной цели.

Воспитательные усилия родителей-рабочих в эпоху капитализма (XIX – начало XX вв.), насколько можно судить по воспоминаниям рабочих, были направлены преимущественно на обеспечение порядка и послушания, прилежания и взаимопомощи. Лишь меньшинство рабочих было заинтересовано в социальном росте своих детей, не в последнюю очередь потому, что рабочая семья стремилась как можно раньше обрести в них содобытчиков. Только небольшая часть сыновей рабочих, большей частью квалифицированных, смогла подняться в так называемый средний слой, то есть в среду самостоятельных ремесленников, служащих и низших чиновников. И, напротив, на протяжении XIX века представители мелкой буржуазии опускались до уровня рабочих [10, с. 143].

Семья, особенно низших слоев общества, с начала XX века оказалась в центре внимания созданной «общественной благотворительности» и под контролем системы социального обеспечения, педагогики, юстиции и медицины. Исходя из имевшего широкую поддержку политического намерения приблизить семейные отношения рабо-

чих к семейным отношениям средних слоев, буржуазные публицисты и политики, а также представители рабочего движения постоянно поднимали вопрос о нищенских жилищных условиях пролетариата и необходимости реформирования пролетарской семейной жизни. Отсутствие гигиены и скудное питание, плохой уход за младенцами и маленькими детьми, порождаемая этим высокая смертность детей были основными объектами движения за социальную гигиену, теснейшим образом связанные с целями и функциями идеологии семьи и полов. Введение всеобщего школьного обучения и законодательное запрещение детского труда, его внедрение в практику с большим опозданием по сравнению с буржуазией, позволило детям из рабочей среды стать детьми. Отношение родителей к детям во все большей степени становилось эмоциональным и педагогичным.

Историческое освобождение семьи от непосредственного подчинения требованиям производства обеспечивает достигнутые частным порядком перемены в социализации, регенерации и репродукции, в которых нуждается индустриальное общество. Процесс промышленного труда характеризуется отношениями производственной зависимости, которые, в свою очередь, формируют личные отношения и господство. Члены семьи включены в отношения личной зависимости и привязанности. При этом сохраняется и вещная зависимость: неработающие жены и дети зависят от мужчины – кормильца и подчиняются основанному на этом господству отца и супруга.

Положение детей в обществе и отношение к ним взрослых в XX веке целиком и полностью связано с положением в обществе главного социализирующего института – семьи, которая в это время переживала тяжелый кризис. Основные симптомы семейного кризиса – физические и психические последствия войн, инфляция и безработица. Была развернута политика вокруг модернизации семейной жизни рабочих и борьба за создание «нового» человека. Наблюдавшие этот процесс отмечали, что в пролетарской семье ощущается сильный дефицит культуры, любви и порядка, а также недостаточность родительской опеки в отношении детей [10]. Как идеал была провозглашена малая семья, организованная вокруг матери, где мать не должна заниматься трудом по найму, а в качестве домашней хозяйки и воспитательницы устранять главные недостатки старой рабочей семьи.

В постиндустриальном обществе семья является основным агентом *образования социальных слоев. Брак и рождение детей создают действительные в течение десятилетий социальные структуры*: они помещают индивидуума на определенную социальную позицию. На протяжении XX века несколько раз наблюдалась тенденция к снижению рождаемости, которая отражает реакцию людей на острые угрозы их материальному существованию в фазах экономических кризисов и мировых войн. С распространением промышленно-городского образа жизни среди постоянно растущей части населения, а также с созданием развитой системы социального обеспечения дети утратили свое хозяйственное значение. Дети уже не нужны ни как рабочая сила, ни как гаранты обеспечения в старости. Все большее количество вступающих в брак могут представить себе счастливую жизнь даже без детей. Жизнь в больших городах предлагает альтернативы традиционному семейному счастью: свободное время; потребление и профессиональный успех являются основными компонентами постиндустриального стиля жизни, а его реализация при наличии детей скорее затрудняется.

Замужние женщины в последние десятилетия работают заметно больше. Тем самым социальная и экономическая зависимость жены от мужа снизилась. Работающие женщины в то же время выполняют подавляющую часть дел по воспроизводству в домашнем хозяйстве и психологически разгружают детей от школьных стрессов, а мужа – от производственных. Поэтому отношение жены к мужу все еще носит служебный характер. Как и прежде, удовлетворение объективных и субъективных потребностей главного добытчика имеет абсолютный приоритет над потребностями жены и детей. В любом случае, отношения членов семьи остаются по сути своей социально-экономическими и определяемыми культурной традицией.

Большое влияние на положение детей в семье оказывают так называемые жизненные циклы семьи. Это перемены и перестройки, связанные с изменяющимися ожиданиями и требованиями, которые жизнь налагает на мужа и жену по мере того, как у них рождаются и вырастают дети. Любое изменение роли одного члена семьи имеет последствия для всех остальных ее членов. Рождение детей влечет за собой пол-

ную реорганизацию жизни супружеской пары, заставляет жертвовать долей личной жизни. Это во многом определяет факт, что многие пары в настоящее время не хотят совсем иметь детей, так как их абсолютно устраивает сложившийся стиль и распорядок жизни, который ребенок только нарушит.

В настоящее время модно говорить о кризисе института семьи и брака, о том, что семья скоро отомрет. В качестве аргументов приводят легкость и частоту разводов, вступление в брак в более позднем возрасте, увеличение числа людей, никогда не состоявших в браке, рост количества незарегистрированных браков и т.п. Многие социологи и демографы говорят о том, что если подобные тенденции сохранятся, то современные общества скоро иссякнут, так как не смогут воспроизводить сами себя.

Несомненно, что в настоящее время идет тенденция к ослаблению той роли, которую выполняла семья по сочетанию интересов личности и общества. Такое ослабление посреднической роли семьи в разных странах мира происходит неравномерно, в зависимости от дробления и обособления социальных институтов, и потому снижение рождаемости (в пределах многодетности) может наблюдаться и в докапиталистических формациях. Но именно на стадии крупного капиталистического производства происходит устранение семейного производства как основного вида прежней «семейной экономики», опирающейся на многодетность.

В свою очередь, это устранение развивает ценностные ориентации членов семьи на личные достижения во внесемейных сферах деятельности, что ведет к перевесу этих ориентаций над ценностью укрепления домашнего очага, наличия нескольких детей в семье или в детях вообще. Городской образ жизни закрепляет всей массой мелочей повседневности и быта обесценивание семьи и дома, то есть ослабляет потребности личности и семьи в нескольких детях. И поэтому нет ничего удивительного в массовом распространении малодетности: разрушение системы норм высокой рождаемости не сопровождалось созданием нового типа социальной деятельности – семейной политики, направленной на укрепление семьи с несколькими детьми. Нет сомнения, институт семьи изменяется, но правомерно предположить, что семья сможет выжить и адаптироваться к существующим условиям.

В заключение хочется отметить, что семья ни в коей мере не подвержена только одностороннему влиянию общества. Разумеется, социальная структура и сущность семьи определяются соответствующим уровнем социально-экономического развития общества и принадлежностью к классам, слоям и среде. Но, с другой стороны, она постоянно порождает присущие классам и слоям общественные структуры, ежедневно регенерируя рабочую силу и воспроизводя новых работников и потребителей. Через семью определяется место личности в обществе. Будучи сама общественным институтом, она создает индивидов, которые готовы и в состоянии соответствовать господствующим общественным отношениям. В этом диалектическом понимании взаимоотношений семьи (и ребенка как ее части) и общества познание истории семьи и истории детства приобретает собственное общественно-политическое значение.

Литература

1. Кравченко, А.И. Социология : учебник; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 536 с.
2. Асмолов, А.Г. Психология личности : культурно-историческое понимание развития человека / А. Асмолов. – 3-е изд., испр. и доп. – Министерство образования и науки РФ – М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
3. Мид, М. Культура и мир детства : избр. произведения / М. Мид / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева; сост., авт. послесл., и отв. ред. И. С. Кон. – М. : Наука, 1988. – 429 с. :
4. Крашенинников, С.П. Описание земли Камчатки (Путешествия 1737–1741 гг.) : в 2 т. / С. П. Крашенинников; Рос. АН., М., 1949 – [Репринт. воспроизведение]. – Петропавловск-Камчатский : Камшат. Т. 2. – СПб. : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Санкт-Петербург. изд. фирма. – 319, [20] с., [6] л.
5. Вайян, Дж. История ацтеков / пер. с англ. – М., 1949.
6. Брайант, А.Т. Зулусский народ до прихода европейцев / сокр. пер. с англ. К.К. Лупандина – М. : изд-во иностранной литературы, 1953 г. – 436 с.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения. В 3-х т. – Т. 3. – М. : Политиздат, 1986. – 639 с. – С. 76.
8. Стебницкий, С.Н. Коряцкие дети // «Советский Север». – 1930. – № 4. – С. 44–45.
9. Редер, Д.Г., Черкасова, Е.А. История древнего мира : учеб. пособие для ист. фак. пед. интов. В 2-х ч. Ч. 1. Первобытное общество и Древний Восток / Д. Г. Редер, Е. А. Черкасова : Первобытное общество и Древний Восток / Д. Г. Редер, Е. А. Черкасова. – М. : Просвещение, 1985. – 288 с.
10. Зидер, Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) [Текст] / пер. с нем. Л.А. Овчинцевой ; / научн. ред. М.Ю. Брандт. – М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. – 302 с.